

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 50

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 17-го декабря 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № предлагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 10.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ

6.50 р.

Безъ доставкѣ въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи

7 р. 25 н.

Безъ доставкѣ въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“ Рижельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ

7.50 р.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . .

8 р.

За гра-ницу. 12 р.

Невѣста Варвара.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Матушка пожала плечами и вышла. Но, разумеется, это была далеко не послѣдняя атака. Въ тотъ день она принималась нѣсколько разъ убѣждать Вареньку. Два раза Варенька была призываема въ кабинетъ, и тамъ отецъ Лука, подстегиваемый матушкой, приводилъ ей тысячи самыхъ вѣскихъ доводовъ. Но она на все это заявляла одно:

— Я не выйду, не выйду.

Тогда матушка, потерявъ всякую надежду, вскипѣла, накричала и объявила, что умываетъ руки. И дѣйствительно, больше она къ Варенькѣ не приставала.

Вечеромъ опять пришелъ Ураловъ. Матушка приняла его сухо.

— Я вамъ должна сказать, Семень Петровичъ, что лучше вамъ теперь и не подступаться къ Варенькѣ съ предложеніемъ,

— Какъ не подступаться?—воскликнулъ Ураловъ, крайне озадаченный.

— Да знаете ли, она въ такомъ настроеніи, она вамъ откажетъ.

— Да почему же, позвольте... чѣмъ же я заслужилъ?

— Ничѣмъ вы не заслужили. А только она не согласится. Да я ужъ вамъ скажу прямо: она такъ и объявила мнѣ... Замужъ, говоритъ, вовсе не хочу идти. Что подѣлаете, если у нея такая фантазія? Мы не можемъ насильно ее заставить.

— Вотъ ужъ не ожидалъ... никакъ не ожидалъ этого!—съ досадой сказалъ Ураловъ.—И это такъ ужасно...

Дочь Тироля. Картина В. Газемаза, грав. Геданъ, авт. «Нивы».

я былъ спокоенъ, увѣренъ... я искалъ приходъ и ни о чемъ не заботился... а между тѣмъ, черезъ три недѣли назначено рукоположеніе, а я безъ невѣсты...

Матушка недружелюбно посмотрѣла на него. Она тоже не ожидала отъ него такого разговора.

— Ну, знаете, этого добра—сколько угодно...—сказала она,—я вамъ скажу: только свистните, и невѣсты сами прибѣгутъ къ вамъ...

Ураловъ обидѣлся и поднялся.

— Ну, что-жъ, извините... больше не смѣю... теперь не знаю даже, какъ мнѣ быть... прощайте.

Послѣ его ухода матушка задумалась. Она вспомнила слова Вареньки: «нужна ему жена для домашняго хозяйства, и еще то, что неженатыхъ не дѣлаютъ священниками».

А вѣдь это чистая правда: несмотря на всю его влюбленность въ Вареньку, больше всего его огорчило то, что у него слишкомъ мало времени для принсканія невѣсты—всего три недѣли. Онъ даже поднялся съ такимъ видомъ, какъ будто торопился искать невѣсту.

Но Варенькѣ она объ этомъ ничего не сказала. Ужасно не хотѣлось ей, чтобы Варенька оказалась правой.

X.

Однажды, когда матушка, побывавъ въ разныхъ магазинахъ, пришла домой, она, снимая шляпку въ передней, была очень удивлена, услышавъ долетавшій изъ гостиной оживленный разговоръ, въ которомъ замѣтную роль игралъ голосъ Вареньки.

Она осмотрѣла переднюю, вѣшалку, но не нашла никакихъ признаковъ гостя. Она недоумѣвала: кто это у нихъ можетъ быть и съ кѣмъ это Варенька можетъ разговаривать?

Въ послѣднее время она была молчалива. Казалось, ее ничѣмъ нельзя было заинтересовать, а ужъ объ оживленномъ разговорѣ нечего было и мечтать.

И матушка, пристроивъ шляпку и перчатки, вошла прямо въ гостиную. Она была поражена, когда увидѣла въ гостиной монаха Мелетія и сидѣвшую рядомъ съ нимъ Вареньку.

У нихъ шелъ разговоръ, которымъ они такъ были заняты, что не замѣтили ея прихода. Это дало ей возможность минуты двѣ постоять въ дверяхъ и слышать, о чемъ они говорятъ.

— Да, да,—говорилъ Мелетій:—это правда, я самъ это испыталъ. Одиночество въ первое время жутко. Но это оттого, что мы привыкли всегда на кого-нибудь опираться. Это все равно, какъ если бы ребенка, который всегда былъ съ няней, отвели въ лѣсъ и оставили на нѣкоторое время одного. Ему отъ всего страшно,—его пугаютъ деревья, камни, птицы, все кажется врагами, которые вотъ-вотъ нападутъ, и онъ плачетъ. Но потомъ, осмотрѣвшись, онъ прикасается къ дереву, взлѣзаетъ на камень, прислушивается къ птицамъ и, когда няня приходитъ, онъ уже играетъ съ мотылькомъ, перелетающимъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Но зато, Варвара, только въ одиночествѣ человекъ можетъ взвѣсить и оцѣнить каждое впечатлѣніе, каждую мысль и каждый поступокъ. Только въ одиночествѣ мы видимъ ясно, мы видимъ вещи такими, какия онѣ есть, а не сквозь призму случайностей, которыя врываются въ нашу жизнь...

Онъ говорилъ это, а Варенька, облокотившись одной рукой на боковую спинку дивана и подперевъ этой же рукой голову, внимательно смотрѣла ему въ глаза и слушала.

Глаза ея были задумчивы, а лицо сосредоточенное. Матушка взглянула на эту картину, и какой-то непонятный страхъ зашевелился въ ея сердцѣ.

«Онъ ее покорилъ себѣ... онъ зачаровалъ ее»,—мелькнуло у нея въ головѣ.

Она готова была уже обнаружить свое присутствіе, но ей захотѣлось услышать что-нибудь отъ самой Вари.

И Варенька сказала:

— Да, это можетъ быть... но до этого надо дойти... а то, что я испытала, было ужасно... мнѣ казалось, что у меня нѣтъ ни мыслей, ни чувствъ, ни даже ощущеній... я все точно растеряла.

— Ну, да, да... это такъ и есть...—съ какой-то, какъ показалось матушкѣ, радостью подхватила Мелетій:—это значитъ, что прежнія мысли, чувства и ощущенія уже почувствовали опасность и ушли, а новыя еще не родились...

Становилось опасно долѣе стоять такимъ образомъ въ дверяхъ. Это начинало походить на подслушваніе, а матушка была слишкомъ горда для того, чтобы о ней имѣли право это подумать. Она вошла въ гостиную. Ее замѣтили.

Варенька только подняла голову, а Мелетій всталъ и поклонился.

— Я не знала, что у насъ гость...—стараясь быть любезной, но въ то же время съ замѣтной сухостью сказала матушка.

— Да, я по дорогѣ... мы здѣсь съ Варварой... Лукинишной... бесѣдуемъ...—сказалъ Мелетій.

— И очень оживленно!—съ чуть замѣтной ироніей замѣтила матушка.

— Да, споримъ, споримъ... Она вотъ не согласна со мной.

— Развѣ? А мнѣ показалось, что она какъ нельзя болѣе согласна съ вами...

— О, нѣтъ, нѣтъ... еще далеко до этого! Очень далеко.

— Вы, кажется, отецъ Мелетій, соблазняетъ ее принять монашество!—съ легкой усмѣшкой сказала матушка.

— Нѣтъ, не думаю...

— Я никогда не приняла бы монашество... о, никогда! Я это знаю навѣрно!—съ замѣтнымъ волненіемъ промолвила Варенька.

— Я думаю... но я не хочу вамъ мѣшать,—сказала матушка и тотчасъ же вышла.

Но сухо-любезное выраженіе ея лица сейчасъ же измѣнилось выраженіемъ страшной тревоги. Она полетѣла прямо въ кабинетъ отца Лука и плотно притворила за собой дверь. Она заговорила взволнованнымъ шопотомъ:

— Послушай, Лука, ты ничего не видишь и не слышишь. Но вѣдь этотъ монахъ, онъ прямо совращаетъ нашу дочь въ монашество. Она находится подъ его неотразимымъ вліяніемъ... онъ ее загниотизировалъ.

Отецъ Лука былъ такъ далекъ отъ этихъ мыслей, что рѣшительно даже не понялъ, что она такое говоритъ. «Совращаетъ... неотразимое вліяніе... загниотизировалъ...» эти слова, какъ отдѣльные звуки, стучались въ его уши.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Да вѣдь тебѣ извѣстно, что Варенька была тамъ... у него... послѣ этого она отказала Уралову... послѣ этого она вообще сдѣлалась неузнаваемой... а теперь вотъ вхожу я въ гостиную и слышу...

И матушка, по мѣрѣ силъ своихъ, передала отцу Лукѣ то, что слышала. Отецъ Лука, по совѣсти, не могъ сказать, что переданный ею разговоръ казался ему опаснымъ. Что же, простое разсужденіе объ одиночествѣ... Что же такое одиночество?.. Онъ самъ, отецъ Лука, иногда по цѣлымъ днямъ сидитъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, перечитывая книги и журналы. Ничего въ этомъ нѣтъ ни дурного, ни опаснаго.

И онъ попробовалъ-было успокоить матушку въ такомъ смыслѣ, но сейчасъ же увидѣлъ, что она нисколько не расположена къ успокоенію, и ему оставалось одно: объявить себя безусловно согласившимся съ нею.

— Но что же я долженъ сдѣлать?—спросилъ онъ, все-таки недостаточно ясно представляя себѣ свою роль.

— Какъ что?—воскликнула матушка:—ты долженъ поговорить съ нимъ, съ Мелетіемъ, но только не такъ, какъ ты говоришь, не мямлить, не жевать жвачку, а строго и рѣшительно...

Тутъ отецъ Лука въ душѣ улыбнулся этому предло-

женію. Онъ представилъ себя говорящимъ строго и рѣшительно и ясно видѣлъ, что у него ничего изъ этого не выходитъ.

А матушка, между тѣмъ, была настойчива. Она продолжала:

— Да, да, строго и рѣшительно. Тутъ ужъ нечего вилать. Ты долженъ выяснитъ ему, ты долженъ доказать ему, что это съ его стороны недостойная игра... ну, да, конечно, еще бы... ему это нравится, что молоденькая красивая дѣвушка благоговѣнно смотритъ ему въ глаза и ловитъ каждое его слово... А почему мы знаемъ, какія у него въ дѣйствительности намѣренія?.. Развѣ мы его теперь знаемъ? Ну, да, прежде онъ былъ хорошъ, а теперь ли остался, Богъ его знаетъ. Прежде онъ былъ простой молодой человѣкъ, а вдругъ сталъ монахомъ. Странно все это, очень странно и даже подозрительно... Можетъ-быть, онъ волкъ въ овечьей шкурѣ... Но мы на то и родители, чтобы оберегать нашу дочь. Мы не можемъ допустить этого...

— Погоди,—попробовалъ возразить отецъ Лука, хотя и очень нерѣшительно.—Такъ это значитъ что же? Значитъ, я его долженъ выгнать?

— Ну, вотъ—выгнать. Непремѣнно выгнать. Ты совсѣмъ, отецъ Лука, не понимаешь тонкостей. Выгнать его никакъ нельзя, хотя стоило бы. Но ты долженъ дать ему понять, что онъ не имѣетъ права посѣщать нашъ домъ. Мало того, онъ прямо долженъ избѣгать всякой встрѣчи съ Варенькой. Понимаешь, онъ долженъ стараться не попадаться ей на глаза, не бывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ее встрѣтить, словомъ, онъ долженъ совершенно оставить ее въ покоѣ.

Отецъ Лука слушалъ сперва внимательно, потомъ эти наставленія порядочно надоѣли ему и онъ поспѣшилъ согласиться съ матушкой. Онъ сказалъ:

— Хорошо, хорошо... ужъ я поговорю съ нимъ... непременно, непременно... ужъ я постараюсь... только, разумѣется, не теперь... теперь вѣдь это неудобно... ну, Варенька дома, она сейчасъ вступится... можетъ выйти неприятность, понимаешь? Вѣдь она непременно догадается... Ну, такъ я ужъ въ другой разъ это сдѣлаю... Да вотъ что,—продолжалъ онъ, вслухъ соображая:—я, напримѣръ, могу пригласить его къ себѣ... выдумаю что-нибудь... напримѣръ, какой-нибудь вопросъ богословскій...

Матушка обдумала его проектъ и затѣмъ, въ концѣ концовъ, согласилась съ нимъ, что сейчасъ заводить съ Мелетіемъ такого рода разговоръ, дѣйствительно, неудобно.

Между тѣмъ, Варенька съ Мелетіемъ сидѣли въ гостиной довольно долго. Въ ихъ поведеніи не было рѣшительно ничего таинственнаго.

Двери были отворены и въ коридоръ, и въ переднюю и третья дверь въ другія комнаты; говорили они громко и, очевидно, нисколько не желали скрывать своей бесѣды. На всю квартиру раздавались ихъ голоса.

Отецъ Лука серьезно заинтересовался содержаніемъ ихъ бесѣды, и отворилъ дверь изъ своего кабинета и внимательно вслушивался.

Но сколько ни старался онъ уловить въ ихъ рѣчахъ что-нибудь опасное, это ему не удавалось.

Онъ явственно разобралъ, что главнымъ предметомъ ихъ разговора была тема объ одиночествѣ. Ну, что-жъ тутъ такого? Мало ли какіе вопросы ни съ того, ни съ сего поднимаются между людьми! Иной разъ люди съ жаромъ обсуждаютъ такіе предметы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ собственной жизни.

Мелетій—монахъ, ему такъ естественно говорить объ одиночествѣ. Монахъ большую часть жизни проводитъ одиноко. Что такого опаснаго нашла въ этомъ матушка?

Что же касается Вареньки, то опять-таки совершенно понятно, что она, какъ любезная хозяйка, старается поддержать разговоръ.

Тѣмъ не менѣе, отецъ Лука не перемѣнилъ своего намѣренія и рѣшилъ исполнить желаніе своей матушки.

Мелетій посидѣлъ еще около часу и затѣмъ, простившись съ Варенькой, ушелъ. Ни съ отцомъ Лукой, ни съ матушкой онъ даже не пытался проститься, очевидно, просто не желая беспокоить ихъ.

Для черезъ два послѣ этого Мелетій получилъ такую записку:

«Боголюбивый отецъ Мелетій. Позвольте прежде всего попросить у васъ извиненія за то, что безпокою васъ такимъ пустяшнымъ предметомъ. Хочу обратиться къ вамъ съ небольшой просьбой, исполненіе которой, какъ я надѣюсь, не слишкомъ затруднитъ васъ.

«Дѣло заключается вотъ въ чемъ: при чтеніи одной статьи въ духовномъ журналѣ я натолкнулся на чрезвычайно странное и новое для меня толкованіе евангельскаго текста «Блаженни нищіе духомъ»—и самъ своими умственными силами я не въ состояніи разрѣшить родившееся во мнѣ недоумѣніе.

«Вотъ мнѣ и пришло на мысль:

«Почему бы не воспользоваться вашими богословскими познаніями? И теперь я прошу васъ, не откажите мнѣ разъяснить возникшее недоумѣніе.

«А для сего не будете ли такъ добры, досточтимый отецъ Мелетій, завернуть ко мнѣ завтра, хотя бы часовъ въ одиннадцать утра, за что заранѣе уже посылаю вамъ мою сердечную благодарность. Искренно уважающій васъ іерей Лука Троянскій».

Мелетій, прочитавъ столь простое посланіе, разумѣется понялъ его въ самомъ прямомъ смыслѣ и даже не заподозрилъ здѣсь какого-нибудь подвоха, и на другой же день постарался исполнить желаніе отца Луки.

Въ одиннадцать часовъ утра онъ былъ уже около церковнаго дома, потомъ позвонилъ, его впустили, и тотчасъ же завязался разговоръ о евангельскомъ текстѣ.

Самаго текста и толкованія на него отецъ Лука, конечно, не выдумалъ. Дѣйствительно, была такая статья и въ ней евангельскій текстъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ переведенъ чрезвычайно своеобразно: вмѣсто «блаженни нищіе духомъ» тамъ стояло «блаженни бродяги». И это самымъ серьезнымъ образомъ смутило отца Луку.

Михаилъ немного подумалъ, кое-что припомнилъ и сообразилъ, и, въ концѣ концовъ, далъ отцу Лукѣ совершенно удовлетворительное разъясненіе. Отецъ Лука поблагодарилъ его.

Теперь онъ почувствовалъ, что наступилъ моментъ исполнить требованіе матушки. И тутъ же онъ понялъ, что ему это будетъ чрезвычайно тяжело.

— Ахъ, да, кстати,—промолвилъ онъ:—вотъ еще что я хотѣлъ сказать вамъ, отецъ Мелетій. Видите ли, дѣло очень тонкое и идетъ это не отъ меня. Я самъ, какъ вы хорошо знаете, ни во что домашнее не вмѣшиваюсь. Мое дѣло совсѣмъ другого порядка. Я служу, добываю хлѣбъ, а ужъ остальное—дѣло жены. И вотъ, въ данномъ случаѣ, это тоже... женѣ моей кажется...

— Что именно, отецъ Лука?—кратко и внимательно спросилъ Мелетій.

— Да вотъ, видите ли, началъ объяснять отецъ Лука:—женѣ моей кажется, что ваше вліяніе на Вареньку—не дурное... Боже сохрани! пожалуйста, вы этого не подумайте!—а, какъ бы это вѣрнѣе сказать—именно, такъ сказать, монашеское вліяніе...

— Я монахъ, отецъ Лука, какое же другое вліяніе могу я имѣть?—сказалъ Мелетій.

— Ахъ, нѣтъ, я не совсѣмъ такъ объясняю... Но, видите ли, отецъ Мелетій, послѣ бесѣды съ вами—мы это замѣтили—она обыкновенно проявляетъ какую-то особенную нервность, раздражительность, задумчивость, ну и прочее... Такъ вотъ я и долженъ вамъ сказать, что жена моя опасается, какъ бы это не разстроило ея здоровья, и она желала бы, чтобы вы... ну, понимаете ли... какъ можно меньше видѣлись бы съ нею, т. е. съ Ва-

Царица Савская у Соломона. Кар.

Картина Е. Обергаузена, автотипія «Нивы».

ренькой; вы должны понять меня, отецъ Мелетій, не правда ли? Мнѣ нѣтъ надобности все подробно объяснять.

— Да,—сказалъ Мелетій:—я вполне понимаю. Матушка считаетъ мое общество вреднымъ для Варвары... Но, можетъ-быть, матушка не знаетъ, что Варвара сама желаетъ моего общества. Итакъ, я спрошу васъ, отецъ Лука, какъ, по-вашему, въ этомъ случаѣ я долженъ поступить?

— Вы меня спрашиваете, отецъ Мелетій? Вы сами такой умный человѣкъ, вы навѣрно и поступите умно...

— Но, право же, я затрудняюсь,—сказалъ Мелетій:—я рѣшительно не знаю...

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ подсказать,—промолвилъ отецъ Лука:—вы должны устранить свое вліяніе надъ Варенькой такъ, чтобы это ускользнуло отъ ея вниманія, чтобы она этого не замѣтила...

Мелетій съ глубокимъ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— О, отецъ Лука, такого ума у меня нѣтъ вовсе! Я понимаю, что для даннаго случая это даже большой недостатокъ... но мой умъ рѣшительно, рѣшительно не умѣетъ хитрить... и мнѣ кажется, отецъ Лука, что вамъ слѣдуетъ высказаться прямо.

— Т. е. какъ именно?—спросилъ отецъ Лука тономъ невиннымъ, хотя хорошо понималъ, что именно разумѣетъ Мелетій.

— Т. е., насколько я понимаю, вы желаете, чтобы я совершенно пересталъ бывать у васъ въ домѣ...

— Видите ли, отецъ Мелетій, вопросъ этотъ очень щекотливъ. Я не могу этого предложить,—вы сами это хорошо понимаете. Но я полагаю, что лучше всего вамъ самому это рѣшить.

Мелетій совершенно ясно видѣлъ, что отецъ Лука ни за что не желаетъ высказаться прямо. И онъ больше не настаивалъ.

Онъ удалился, не получивъ прямого отказа отъ дома, но для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, въ сущности, ему это предложили.

И онъ былъ въ глубокомъ затрудненіи, потому что не зналъ, какъ онъ скажетъ объ этомъ Варенькѣ. Вѣдь она объ этомъ разговорѣ ничего не знаетъ, а зайти еще разъ къ Троянскимъ онъ не рѣшится, потому что это было бы насиліемъ.

А лѣто, между тѣмъ, подходило уже къ концу. Дней черезъ десять онъ долженъ былъ уже ѣхать въ академию. Его отпускъ исчерпывался.

И эти послѣдніе дни казались ему такими важными. Онъ видѣлъ, явственно видѣлъ, что Варенька сильно работала надъ собой и сдѣлала колоссальные успѣхи на пути къ тому, что онъ самъ считалъ идеаломъ.

Но все же онъ еще не могъ сказать съ увѣренностью, что она стоитъ твердо. Она, напримѣръ, спрашивала его:

— Скажите мнѣ, Мелетій, зачѣмъ вамъ понадобилась я? Для чего вы такъ настойчиво и горячо стремитесь къ тому, чтобы я думала и чувствовала, какъ думаете и чувствуете вы?

И онъ отвѣчалъ ей:

— Затѣмъ, Варвара, что одной одинокой душѣ трудно существовать на свѣтѣ.

— Какъ?—воскликнула она:—а какъ же все то, что вы говорили объ одиночествѣ, объ его прелестяхъ? Значитъ, оказывается, что оно уже не такъ прекрасно?

— О, Варвара, я вижу, что вы еще меня недостаточно понимаете. Одиночество въ мірѣ, отрѣшеніе отъ его случайностей, отъ всего того, что составляетъ жизнь въ мірѣ... Но душа, ставшая одинокой въ мірѣ, отрѣшившаяся отъ того, что мѣшало ей быть свободной, душа уже свободная, какъ она можетъ ѣхать отъ другой, такой же свободной души? Напротивъ, напротивъ, свободныя души должны слиться въ тѣсное единеніе и тогда онѣ представляютъ собой могучую непреоборимую силу. Долженъ быть союзъ свободныхъ душъ, потому что имъ предлежитъ страшная борьба. Одиночество среди свободныхъ душъ было бы нелѣпнымъ. Это былъ бы

какой-то фанатизмъ одиночества, ненужный, безцѣльный, бессмысленный... И вотъ почему я жажду единенія съ вашей свободной душой.

Такъ говорилъ онъ, когда они были вмѣстѣ. Но теперь, послѣ этого страннаго разговора съ отцомъ Лукой, онъ рѣшительно не видѣлъ возможности встрѣтиться съ Варенькой.

Конечно, если бы она знала объ этомъ разговорѣ, то она сама нашла бы удобный путь для встрѣчи. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не зналъ, какъ сказать ей объ этомъ.

Ему приходило въ голову написать ей, но онъ сейчасъ же сообразилъ, что это ни къ чему не поведетъ: его письма, навѣрно, не дойдутъ къ Варенькѣ. Ихъ перехватитъ матушка, потому что она оберегаетъ ее.

Смѣшные люди — они искренно считаютъ его вліяніе вреднымъ, его, который безкорыстно стремится къ тому, чтобы она достигла высшаго блага, наибольшаго покоя, когда душа недоступна вліянію случайностей.

Прошло два дня, онъ не видѣлся съ Варенькой. И опять явился какой-то человѣкъ и принесъ ему письмо отъ нея. Варенька писала:

«Я узнала о вашемъ разговорѣ съ отцомъ, Мелетій. И, такъ какъ вамъ нельзя быть у насъ, но я еще должна васъ видѣть непременно, то и пріѣду къ вамъ. Конечно, мы сдѣлаемъ это очень просто, намъ нѣтъ надобности хитрить. Будьте дома сегодня цѣлый день. Я пріѣду. Не надо ничего устраивать. Намъ ничто не можетъ помѣшать. Варвара».

Мелетій страшно обрадовался этому извѣстію. И радовался онъ не только потому, что она догадалась и нашла самый лучший путь и такимъ образомъ вывела его изъ затрудненія, а еще потому, что, какъ она писала, «не надо ничего устраивать».

Это значитъ, что ея новое настроеніе сдѣлалось уже для нея привычнымъ. Ни отъ кого не нужно съ нимъ прятаться, потому что тогда пришлось бы прятаться отъ всѣхъ. Нельзя прятаться съ своей природой.

Такъ вышло, что онъ даже не успѣлъ предупредить о предстоящемъ пріѣздѣ Вареньки своихъ родныхъ, потому что почти тотчасъ же, послѣ прочтенія письма, онъ увидѣлъ, что къ церковной оградѣ подѣхала бричка, и Варенька, на этотъ разъ одѣтая въ обычное свѣтло-сѣрое платье, уже быстро шагала черезъ ограду къ квартирѣ дьякона.

Мелетій даже не успѣлъ встрѣтить ее. Уже хлопнула дверь въ передней, и вотъ она вошла въ комнату.

Дьяконъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, а Агаѣя Ѳедоровна совершенно растерялась и не знала, куда ей двинуться.

— Здравствуйте, отецъ-дьяконъ, — чрезвычайно просто сказала Варенька и пожала его руку. — Здравствуйте, Агаѣя Ѳедоровна...

Она подошла къ дьяконшѣ и поцѣловала ее совершенно такъ, какъ это бывало въ прежнее время.

И только послѣ этого она приблизилась къ Мелетію и взяла у него благословеніе.

Старики стояли неподвижно, не зная, какъ понять, какъ объяснить это поведение Вареньки.

Ея приемы были такъ странны. Вѣдь вчера еще они были невозможны, невѣроятны.

— Пріѣхала къ вамъ въ гости,—сказала Варенька.

— Намъ очень... очень приятно, Варвара... Лукинишна!—голосомъ, исполненнымъ смущенія, сказала, наконецъ, Агаѣя Ѳедоровна:—но только какъ же такъ... вѣдь это... вѣдь матушка ваша... не похвалитъ васъ за это...

— Что дѣлать, Агаѣя Ѳедоровна?—просто возразила Варенька:—я люблю маму... но нельзя же жить только для того, чтобы заслуживать ея похвалу... надо дать ей поводъ и немного посердиться...

— А я вотъ слышала, — сказала Агаѣя Ѳедоровна не совсѣмъ впопадъ:—что къ вамъ, Варенька, богословъ Ураловъ сватался недавно... не знаю, правда ли это?

— Сватался, Агаѣя Ѳедоровна, а теперь пересталъ...

— Что же такъ?

— Я ему отказала...

— Неужели? А вѣдь женихъ, говорятъ, онъ хорошій... такое общее мнѣніе о немъ...

— Очень хорошій женихъ, Агаѣя Ѳедоровна... да я его не люблю... и какъ мнѣ замужъ идти, Агаѣя Ѳедоровна, когда я—невѣста?

— Чья же вы невѣста, Варвара Лукинишна? Я, признаться, и не знала объ этомъ... первый разъ слышу...

— Нѣтъ, вы знали... что я невѣста Мелетія... вы это знаете...

Агаѣя Ѳедоровна засмѣялась и замахала на нее руками.

— Монахова невѣста... вотъ это ужъ совсѣмъ невѣроятное чудо!.. Экая вы шутница, Варвара Лукинишна!

— Варенька! — поправила ее гостья и прибавила: — Невѣста вашего сына, — какая же я вамъ Лукинишна?

— Ну, Варенька, Варенька... оно еще лучше... короче... да, въ самомъ дѣлѣ—Варенька, это лучше.

Агаѣя Ѳедоровна смѣялась, видя, что и Варенька, очевидно, распутилась.

Но дьяконъ не смѣялся. Во всемъ этомъ странномъ разговорѣ онъ видѣлъ какой-то скрытый смыслъ, котораго онъ не понималъ, и онъ съ какимъ-то выраженіемъ опасливости все смотрѣлъ то на Вареньку, то на Мелетія.

Уже одно то, что Варенька, еще недавно съ такимъ гордымъ презрѣніемъ отворачивавшаяся отъ всѣхъ членовъ его семьи, когда случайно встрѣчала кого-нибудь изъ нихъ въ городѣ, на улицѣ, эта самая Варенька вдругъ теперь пріѣхала къ нимъ, запросто поцѣловалась съ его женой и такъ весело и мило разговариваетъ, какъ, бывало, въ прежнія времена—какъ будто ничего не произошло—все это наводило его на головоломныя мысли.

Агаѣя Ѳедоровна, въ виду появленія такой рѣдкой гостии, сейчасъ же вспомнила о хозяйскихъ обязанностяхъ и побѣжала хлопотать насчетъ самовара—единственное угощеніе, какое могла она предложить.

А дьяконъ остался, впрочемъ, имѣя намѣреніе тоже скоро скрыться. Но онъ хотѣлъ это сдѣлать болѣе дипломатично. Ему казалось неловкимъ уйти одновременно съ Агаѣей Ѳедоровной и такимъ образомъ сдѣлать свой уходъ замѣтнымъ, какъ бы подчеркнутымъ.

Онъ внимательно смотрѣлъ на Вареньку и дивился ея необыкновенной живости и какому-то здоровому нервному возбужденію.

«Неужели же между ними есть чувство?—думалъ онъ:— что же это такое? Монахъ... даже іеромонахъ... да такой еще убѣжденный, такой глубокой, и вдругъ... непонятно... непостижимо»...

Тѣмъ не менѣе, ему все казалось, что имъ надо для чего-то остаться вдвоемъ, что они этого желаютъ, и онъ скоро сочинилъ какой-то предлогъ и вышелъ.

Мелетій посмотрѣлъ ему вслѣдъ и покачалъ головой.

— Вѣдныя добрые люди, — сказалъ онъ, когда дьяконъ вышелъ: — какъ они изумлены! Они не могутъ отойти даже на одинъ шагъ отъ извѣстныхъ имъ формъ жизни, къ которымъ они привыкли съ малолѣтства, и потому считаютъ ихъ неизбѣжными законами. Какъ ни любятъ они меня, какъ ни довѣряютъ мнѣ, а все же я увѣренъ, что они Богъ знаютъ что о насъ думаютъ...

— Да, — согласилась Варенька: — вашъ отецъ очень странно и пылливо смотрѣлъ на меня. Ну, что-жъ, можетъ-быть, они имѣютъ на это право...

— Какое же право, Варвара?

— Да вѣдь мы ведемъ себя не такъ, какъ всѣ, значитъ мы странные, а на странныхъ и смотреть странно. Мелетій, — сказала она вдругъ, повернувшись къ нему: — знаете ли вы, почему я сегодня такая радостная?

— Не знаю, Варвара, еще не знаю, но вижу, что вы не такая, какъ были еще недавно... вы—новая.

— О, какой же вы прозорливецъ послѣ этого?

— Да я и не прозорливецъ...

— Потому я сегодня такая, слушайте, Мелетій, внимательно слушайте... потому такая я радостная, Мелетій, что я опять стала твоей невѣстой...

Мелетій стоялъ неподвижно, съ пылливо устремленными на нее глазами. Онъ хотѣлъ, чтобы она сказала еще что-нибудь, болѣе объясняющее ея мысль, которую онъ не сразу усвоилъ.

— Да, да, да: твоя невѣста, Мелетій, потому что я рѣшила—никогда, никогда не быть ничьей невѣстой и тѣмъ болѣе ничьей женой... Мелетій, я поняла, я поняла...

— Благодарю тебя, Богъ мой, благодарю тебя за то, что ты послалъ мнѣ эту великую радость,—промолвилъ Мелетій, и лицо его при этомъ было какое-то глубоко-сосредоточенное, а глаза — полузакрытые, какъ будто своего Бога, которому молился, онъ видѣлъ внутри себя.

— Да, — говорилъ онъ потомъ, обращаясь къ Варенькѣ:—невѣста! Въ этомъ словѣ есть что-то праздничное, что-то торжественное... и тѣ, которыя дѣлаются женами, лишаютъ себя этого праздника... Въ твоей душѣ, Варвара, всегда будетъ праздникъ, потому что ты будешь всегда моей невѣстой.

— И мнѣ хорошо, Мелетій, мнѣ безконечно хорошо!—воскликнула Варенька.

— Ты познала это?

— Свободу духа? Нѣтъ еще... о, я слишкомъ слаба... Но я иду къ ней, и я приду... Ты мнѣ поможешь... Ты будешь думать объ этомъ, ты будешь писать мнѣ, учить меня, поддерживать... Но знай только одно: я никогда не буду ничьей невѣстой. Да, недавно мнѣ это предложили... И когда я подумала объ этомъ, я содрогнулась... это было для меня пробнымъ камнемъ; я себя провѣряла. И знай, Мелетій... Я теперь тверда... Ничто, ничто не заставитъ меня сойти съ этого пути. Я твоя невѣста до конца дней моихъ.

Поспѣлъ самоваръ, пришли дѣти, въ домѣ сдѣлалось шумно. Сперва косо поглядывали на Вареньку, но скоро прежняя привычка вступила въ свои права. На нее смотрѣли, какъ на простую гостью, которая прежде всегда была мила и пріятна.

Варенька провела у Велегласовыхъ часа три и затѣмъ уѣхала домой.

XI.

Варенька дома прямо сказала, что ѣздила къ Велегласовымъ для того, чтобы видѣться съ Мелетіемъ. Матушка на это даже не отозвалась, до того показался ей этотъ поступокъ невѣроятнымъ.

Она отправилась къ отцу Лука и сказала ему:

— Наша дочь лишилась воли и разума, отецъ Лука. Тебѣ предстоитъ очень неприятный, но неизбѣжный шагъ. Я не знаю другого исхода.

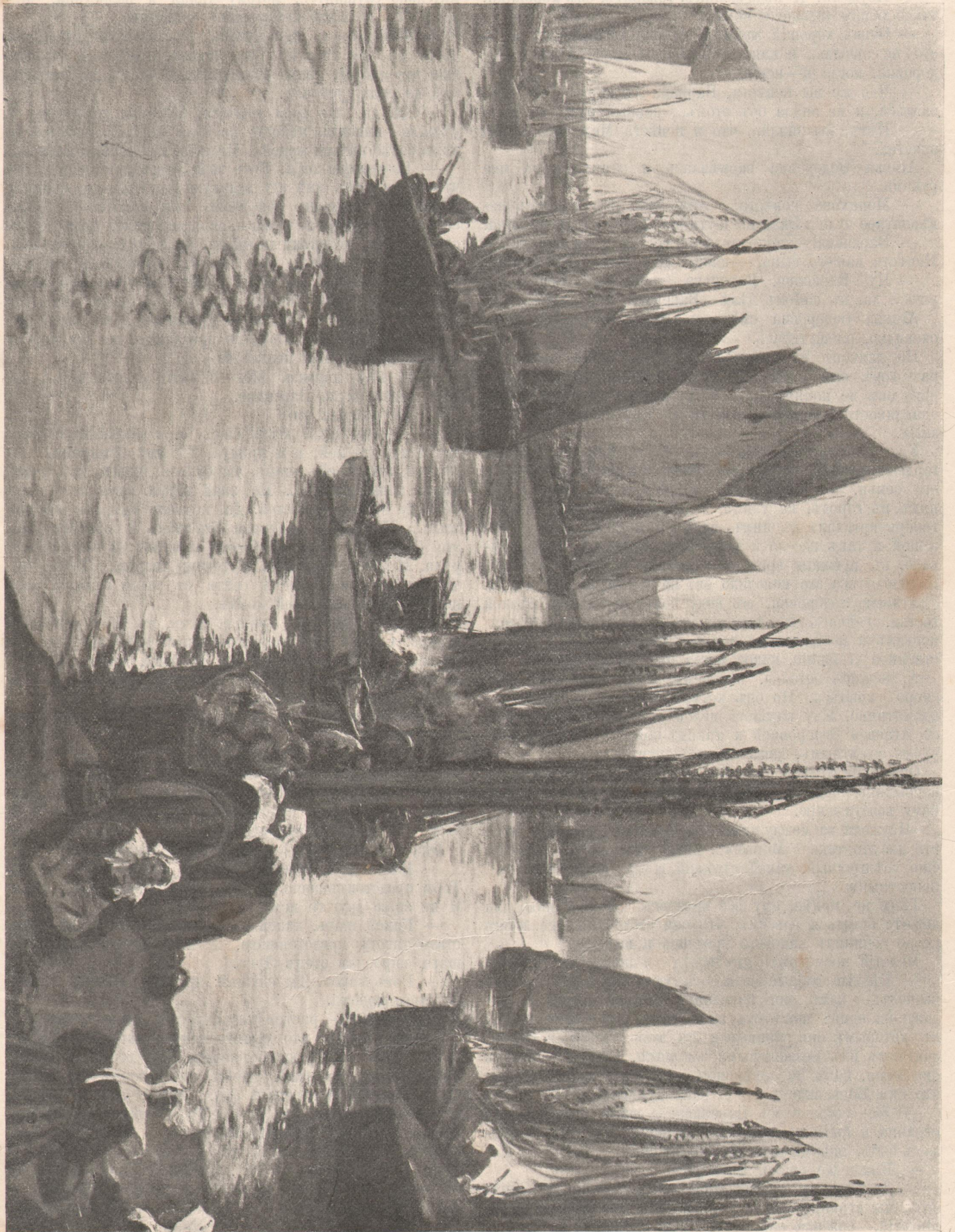
— Какой шагъ, какой еще шагъ?—уже заранѣе чувствуя тяготу предстоящаго, хотя и неизвѣстнаго ему, шага, спросилъ отецъ Лука.

— Вотъ какой. Ты слушай: архіерей имѣетъ вліяніе на этого монаха.

— Архіерей?—растерянно спросилъ отецъ Лука.

— Да. Говорю, что другого исхода нѣтъ. Ты долженъ сходить къ архіерею, объяснить ему все и просить... нѣтъ, даже требовать, чтобы онъ своимъ вліяніемъ, своею властью воспретилъ ему... понимаешь, воспретилъ всякое знакомство съ нею... Ты долженъ настойчиво требовать этого, — зловѣщимъ тономъ продолжала матушка:—пусть онъ уѣдетъ изъ города, этотъ монахъ, и чтобы не смѣлъ писать ей... Помни это... Нѣтъ, что же это такое, въ самомъ дѣлѣ? Это настоящее совращеніе... это безпримѣрно... это Богъ знаетъ что такое!.. Этому имени нѣтъ... Да что же ты, отецъ Лука, самъ-то не возмущаешься? Или, можетъ, ты находишь, что это такъ и нужно?

На рейдѣ. Картина Ф. Жерара, автотипія «Нива».

„Утконось“.

Рассказ Н. Тэффи.

I.

Когда Катерина Николаевна, потряхивая мокрым зонтиком, вошла в канцелярию, всё были уже на своих местах. Марья Александровна, озабоченно сдвинув темные пушистые брови, отбывала что-то в большом настольном журнале. Танечка Синицына, по обыкновению согнув дугой худенькую спину, усердно отчищала резинкой испорченный лист.

— Ну и погода! — сказала Катерина Николаевна, снимая шляпу и вытирая платком рыжеватые кудрявищиеся на висках волосы. — Дождь как из ведра. Ни одного извозчика и конка передь носом ушла. Давно началось? — обратилась она к Марье Александровне.

— Второе дело разбирает.

— Все благополучно?

— У меня — все. А вы напрасно опоздали.

— А что? — удивленно раскрывает Катерина Николаевна свои наивные сѣрые глаза, и все лицо ее, круглое, как у ребенка, с веселыми ямочками на обихих щеках, принимает испуганное выражение.

— Утконось на ваш счет выслужиться старается, вот что!

— Н-ну! Что же онъ дѣлаетъ?

Вбѣжавшій в канцелярию молодой разсылный с зеленоватым чахоточнымъ лицом прерывает бесѣду.

— Исподительный лист! Просить поскорѣ! — сует онъ в руки Катерины Николаевны дѣло в бѣлой обложкѣ и бѣжитъ назадъ в камеру.

— Водилъ судьбу по вашимъ шкапамъ и во все носомъ тыкала, — продолжаетъ Марья Александровна.

— Странное дѣло! — недоумѣваетъ собесѣдница. — У меня, кажется, все в порядкѣ...

— Показывалъ, что пакки в шкапу растрепаны и веревкой не перевязаны.

— Такъ вѣдь самъ же онъ, утиный носъ, веревочку не выписалъ! Я давно напоминала.

Марья Александровна молча пожала плечами.

Танечка Синицына повернула свое личико, с прилипшими къ нему жиденькими прядками обстриженныхъ волосъ и, вся покраснѣвъ, вставила в разговоръ свое слово:

— Онъ и въ столѣ у васъ рылся, какую-то бумажку нашель изъ стараго дѣла и повѣстку неотосланную...

— Ну, а судья что же? — задумчиво спрашиваетъ Катерина Николаевна.

— Ничего... Но, конечно, ему непріятно.

— Катерина Николаевна! — снова влетаетъ чахоточный разсылный. — Листъ готовъ?

— Сейчасъ, Сергѣй, одну минутку... На основаніи то тридцать восьмой, первой... Готово!.. И чего онъ ко мнѣ придирается — понять не могу! — шепчетъ она. — Просто онъ отъ своихъ флюсовъ одурѣлъ. А?

Марья Александровна улыбается, поймавъ мимолетную улыбку подруги.

— Нѣтъ, ужъ это не отъ флюсовъ! Разсылный Никифоръ говорилъ, что Утконось хочетъ въ Лѣсномъ дачу брать: мать у него хвораетъ. Такъ вотъ на дачу-то надо прибавку къ жалованью выдѣлать. Ну, значить, нужно выслуживаться. Я, молъ, одинъ за всѣхъ.

Послышался скрипъ башмаковъ, и въ комнату вошелъ письмоводитель Степанъ Васильевичъ Савинъ, прозванный канцелярскими барышнями «Утконосомъ». Онъ съ честью носилъ свое имя. Его широкій, сплюснутый на концѣ носъ, съ неровными, словно разорванными ноздрями, удивительно напоминалъ плоскій утиный клювъ. Маленькіе сѣрые глазки слезливо смотрѣли на Божій свѣтъ и дѣвый былъ всегда немножко припухшими отъ флюса. Безцвѣтные волосы топорщились во всѣ стороны надъ безбровымъ лбомъ. Одѣвался письмоводитель въ гороховый костюмчикъ и носилъ галстуки самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ.

— Катерина Николаевна. — сказалъ онъ, покраснѣвъ и криво улыбаясь. — судья вами недоволенъ.

Катерина Николаевна вспыхнула и вопросительно подняла брови.

— Много пропускаете. — продолжалъ Утконось. — Только въ дни засѣданій и приходите.

— Странное дѣло! У меня, кажется, все во-время готово? Что жъ мнѣ здѣсь въ пустыне дни болтаться?

— Можетъ что-нибудь понадобится, какая-нибудь справочка, а васъ и нѣтъ.

— Такъ вѣдь до сихъ поръ еще ни разу не понадобилось.

— Да, но можетъ понадобится.

— Ну, такъ ее могутъ и другіе выдать, — сердито раздувъ подвижныя ноздри, вѣшалась Марья Александровна. — Тѣ, которые безъ всякаго дѣла на глазахъ болтаются... выслуживаются.

„Рождение мира“.

„Горькое мира“.

Рисунки, изданные въ Америкѣ въ память заключенія Портсмутскаго мира.

Письмоводитель покраснѣлъ еще больше и сдѣлалъ видъ, что ничего не слышалъ.

— Пожалуйста, Екатерина Николаевна, достаньте дѣльце номеръ пятьсотъ тринадцатый, тамъ есть справочка, и кстати исполнительный листикъ выдайте, — сказалъ онъ, поспѣшно уходя.

— Листикъ! Листикъ! — передразнила ему вслѣдъ Катерина Николаевна. — Листъ, листище, а не листикъ. Что за нѣжности съ исполнительными листами!

Она подошла къ большому, настежь раскрытому шкапу и стала перебирать толстыя тяжелыя пачки дѣлъ, отыскивая нужный номеръ. Тонкія бечевки, перевязывающія пачки, больно рѣзали пальцы, бѣлая бумажная пыль прилипала къ рукамъ и груди платья. Она долго перебирала большія тетради въ бѣлыхъ, исчерканныхъ цвѣтными карандашами, обложкахъ, разбухшія отъ вшитыхъ внутрь квитанцій, векселей и лавочныхъ книжекъ, — дѣло не находилось. Раскраснѣвшаяся и растрепанная, разводила она руками, разгибая занывшую отъ усталости спину.

— Да вы посмотрите въ настольной. — совѣтуетъ сочувствующая Марья Александровна.

Обѣ склоняются надъ столомъ и ищутъ въ журналѣ.

дѣлахъ не понималъ, я его и учила-то. Онъ вѣдь въ третьемъ участкѣ за уголовнымъ столомъ сидѣлъ, а у насъ письменоводителемъ покойнымъ Солоповъ былъ. Я вѣдь почти семнадцать лѣтъ служу. Десять лѣтъ за гражданскимъ столомъ сидѣла. Три года назадъ, какъ Солоповъ умеръ, я все мечтала, что меня письменоводителемъ назначатъ; прежде вѣдь нельзя было, а теперь разрѣшено и женщинамъ эти мѣста занимать. Да нѣтъ, судья почему-то не рѣшился. Взяли эту прелесть — Утковоса. Теперь онъ семьдесятъ пять рублей жалованья получаетъ, а я попржнему — сорокъ. А я же его и учила! А все потому, что онъ мужчина. Носи я гороховые штаны — и мнѣ бы цѣна вдвое больше была!

— Вотъ ужъ и я больше года служу! — тоскливо тинеть Катерина Николаевна.

Обѣ смолкаютъ, занятыя работой. Слышно только шуршанье перьевъ и тихое постукиваніе дождевыхъ капель объ оконныя стекла, да черезъ запертую дверь легкой гулъ голосовъ и звонкіе выкрики судьи.

Приходитъ разсыльный Никифоръ — толстый румяный старикъ. Онъ весело смѣется маленькими хитрыми глазами и отдуваетъ бритыя щеки.

Собрание крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ.

— Ну, вотъ видите. — послано въ съѣздъ! — радостно восклицаетъ Марья Александровна.

Снова скрипятъ башмаки и входитъ письменоводитель.

— Листикъ готовъ-съ?

— Какой же вамъ листикъ, когда дѣло въ съѣздѣ? — торжествуетъ Катерина Николаевна.

Письмоводитель краснѣетъ и склоняетъ къ настольной свой утиный носъ, затѣмъ, язвительно улыбувшись, указываетъ на записъ вымазаннымъ въ чернила пальцемъ съ круглой, натертой перомъ, мозолью на послѣднемъ суставѣ.

— А гдѣ нумерочекъ?

— Какой еще нумерочекъ?

— Изволили написать: «отослано въ съѣздъ такого-то числа», а подъ какимъ номеромъ — не обозначили-съ, хе-хе!

— Само собою разумѣется, что подъ своимъ номеромъ. Каждое дѣло подъ своимъ номеромъ отправляется. Разъ — пятьсотъ тринадцатое, такъ подъ пятьсотъ тринадцатымъ и отправляется! Къ чему же еще писать?

— Хе-хе! Любите сокращеньице? Вотъ, когда вамъ поручатъ новый законъ написать, тогда мы все это и введемъ въ судопроизводство, а пока ужъ пусть будетъ по-старому. Хе-хе!

И онъ снова уходитъ, скрипя ногами.

— Господи! Безтолочь! Рутинка окаянная! — вздыхаетъ Катерина Николаевна.

— Туда же учить! — ворчитъ Марья Александровна. — Давно ли самъ выучился-то! Три года тому назадъ ничего въ гражданскихъ

— Не желательно ли чайку? — спрашиваетъ онъ.

— Пожалуй, ужъ пора, — смотритъ на свои часики Марья Александровна. — Скоро двѣнадцать.

— А я уже заморилъ червячка, — аппетитно пожевываетъ губами Никифоръ. — Женка сегодня, для праздничка, рюмочку поднесла.

— Какъ? Какой сегодня праздникъ? — всполошилась Танечка Синицына.

Катерина Николаевна бросила взглядъ на стѣнной календарикъ.

— Ай, стыдно не знать! — качаетъ головой Никифоръ. — Этакій великій канунъ и не знаете. Жалованье-то завтра кто получать будетъ? А?

Всѣ улыбулись.

— И пирогъ сегодня мой любимый женка къ фрыштыку селедки. Оржаной съ селедкой. Всѣ пальчики облизалъ. Пойду, еще попрошу.

И онъ уходитъ въ коридоръ. Барышни нѣсколько минутъ молча улыбаются.

— А вѣдь это, должно-быть, вкусно, пирогъ съ селедкой? — мечтательно говоритъ Катерина Николаевна.

— Гадость ужасная, — не поворачивая головы, отвѣчаетъ Танечка. — У насъ тетенька пекла.

— Мой сыннишка большой любитель пирога, — говоритъ Марья Александровна.

— Все-таки хорошо, что у васъ хоть ребенокъ есть, — отвѣчаетъ на какія-то свои мысли Катерина Николаевна. — Придете домой, есть кого приласкать, около кого пригрѣться.

Отправление плѣнныхъ японцевъ изъ села Медвѣдь на родину. Перенесеніе раненаго японца.

— Ну, погодите, выйдете замужъ, заведете себѣ цѣлую дюжину.

— За мужъ? Нѣтъ, ужъ теперь поздно. Кто меня, рыжую, возьметъ? И придана-

Отправление плѣнныхъ японцевъ изъ села Медвѣдь на родину. Обозъ съ вещами отправляется на ст. Уторгошь.

го-то у меня всего четыре ложки накладного фамильнаго серебра, да и тѣ теперь заложены.

— И безъ приданаго выйдете.

— Въ мои-то годы? Поздненько, голубчикъ,—мнѣ ужъ скоро тридцать стукнетъ.

Обѣ помолчали, и вдругъ лицо Катерины Николаевны все задрожало отъ сдерживаемаго смѣха, и около уголка въ крупнаго рта заиграли глубокия веселыя ямочки.

— Ха-ха! Какія мы, женщины, смѣшныя,—расхохоталась она.—Не можемъ не приврать! Ну, не глупо ли! И вовсе мнѣ не «скоро стукнетъ тридцать», а ужъ четыре мѣсяца тому назадъ преспокойно-себѣ стукнуло! И къ чему я это? Сама не понимаю!

— Какъ у васъ весело,—выглянулъ изъ-за двери утинъ носъ.

Катерина Николаевна покраснѣла.

— Не знаете ли вы,—спокойно обратилась она къ подругѣ,—Утконосъ—это такая порода ехидны?

Марья Александровна отвернулась къ окошку, чтобы скрыть улыбку. Танечка низко нагнулась надъ стошкой бумаги, качаясь отъ душившаго ее смѣха.

Вшелъ Никифоръ съ подносомъ, уставленнымъ двумя

большими чайниками, стаканами и грязной стеклянной сахарницей.

— Сергѣй опять свалился,—недовольно проворчалъ онъ.—Голова закружилась. Лежить въ постели. Опять мнѣ придется не въ очередь повѣстки нести.

— Ну, нечего, Никифоръ,—серьезно говоритъ Марья Александровна, разливая чай по стаканамъ.—Вамъ прогуляться полезно, лучше поужинаете. Сергѣй долго вамъ глаза не будетъ мозолить. Ему вѣрно и до конца лѣта не дотянуть.

Никифоръ, нахмуренный и недовольный, идетъ въ камеру, а канцелярія принимается за чай. У всѣхъ принесены съ собой изъ дому булки съ масломъ или вареньемъ.

— Все у меня изъ головы Никифоровъ пирогъ не выходитъ,—признается Катерина Николаевна.—Ахъ, если-бъ вы знали, голубчикъ, какими помоями меня моя хозяйка кормитъ. Последнее время выдумала какіе-то гришвурсты—каждый разъ послѣ нихъ больна. Да и не сытно совсѣмъ, съшь—и такое чувство, будто тебя кто-то по животу палкой ударилъ. Послѣ обѣда бѣгу на урокъ, такъ повѣрите ли, мимо мясной лавки проходить избѣгаю, такъ и хочется кусокъ мяса утащить.

Отправление плѣнныхъ японцевъ изъ села Медвѣдь на близкую станцію Уторгошь (моск.-винд.-рыб. ж. д.).

Никифоръ приносить разобранныя дѣла.

— Ничего, очухался Сережка-то. Отложилъ помирать,—говоритъ онъ успокоившимся голосомъ.—А вы чего, барышня, зѣваете? Неужели спать хочется?

— Ужасно спать хочу,—от-

Отправление плѣнныхъ японцевъ изъ села Медвѣдь. Прелѣдній визитъ.

вѣчаетъ, потягиваясь, Катерина Николаевна.—Ничего, Никифоръ, не подѣлаешь. Ужъ такой организмъ: какъ повѣстки писать—такъ ко сну и клонить. Вотъ пока завтракала, самъ видѣть—человѣкъ какъ человекъ была. А увижу повѣстку—и глаза заволакиваетъ.

— Не понимаю, чего насъ такую рань приходится заставляють,—говоритъ Танечка.—Все равно раньше десяти самъ никогда не прѣзжаетъ, а разборъ назначаетъ съ девяти.

— Степанъ Васильевич!—спрашиваетъ Катерина Николаевна у вошедшаго письмоводителя.—Отчего вы мнѣ новыхъ прошеній не посылаете?

— На все свое время. Еще марочки не наклеены. Прошеньицъ очень много поступило.

— Опять онъ дотянетъ до конца засѣданія,—шепчетъ Катерина Николаевна,—а мнѣ потомъ до ночи сидѣть придется. Не могу я! У меня сегодня урокъ въ девять часовъ. Прямо безсовѣстно. Вѣдь должны же они понимать, что на ихъ двадцать пять рублей мнѣ не прожить. А они жалованья не прибавляютъ, да еще и работать мѣшаютъ.

Танечка Сницына сочувственно потрясла стриженной головой и, убѣдясь, что письмоводитель уже ушелъ, сказала:

— А мнѣ все общають да общають прибавку, до сихъ поръ

Жди! Такъ тебѣ и дадутъ отпускъ! Бѣдная ты, бѣдная! Я—другое дѣло. Я человекъ свободный! Захочу—завтра все брошу и пойду милостивно просить!»

— Никифоръ!—позвала Марья Александровна.—Принесите разсыльную книгу.

Никифоръ вошелъ, высоко поднявъ книгу въ черномъ коленкоровомъ переплетѣ.

— Миряне!—забасилъ онъ.—Знаете ли вы сію книгу?

Онъ шутилъ такъ каждый день, но считалъ, очевидно, что хорошая старая шутка никогда не надобѣтъ.

— Скажите... Никифоръ,—обернулась къ нему Катерина Николаевна.—Правда, что нашъ Степанъ Васильевичъ дачу занимаетъ собирается?

— Правда, правда. За пустякомъ только дѣло стало. За самымъ то-есть бездѣльнымъ пустякомъ. Денегъ нѣтъ. Мнѣ вчерась евоновая старуха говорила: Степушка, говорить, о прибавкѣ всю голову себѣ измечталъ, а мнѣ, говорить, ужъ никакая дача не поможетъ. Водянка у старухи-то. Худая, такая желтая, а поболтать любить. Только сына, вѣрно, боится, при немъ никогда ни слова не скажетъ и сейчасъ видъ неузнаваемости дѣлаетъ. Сестрицу евоновую тоже видѣть довелось.—Никифоръ сморщился, точно хлебнулъ кис-лага, и покрутилъ головой.—Очень для нервовъ неприятно.

— А что? Она, говорятъ, больная?

— Ни руками, ни ногами не владѣтъ. Высохла вся, словно вотъ дѣвочка десятилѣтняя, и говорить ничего не можетъ, все только: «да, да, Господи». Что ни спросишь—на все одинъ отвѣтъ: «да, да, Господи». Двѣнадцать лѣтъ все вотъ такъ лежитъ—ни хуже, ни лучше.

— Несчастная,—пожалѣла Марья Александровна.

— Однако, что же это нашъ судья за-завтракался?

— Нѣтъ, они ужъ откушали. У нихъ тамъ генералька какой-то сидитъ.

— Толстый, въ очкахъ?

— Да, да.

— Ну, поздравляю. Теперь до вечера перерывъ будетъ. Ужъ это всякій разъ та же исторія. Какъ этого генерала принесть, такъ его отсюда не выжить.

— Ну и судья хорошъ!—надулась Танечка.—Разобралъ бы дѣла, а тамъ и цѣлуйся со своимъ генераломъ хоть до завтра.

Никифоръ лукаво грозилъ пальцемъ расходившейся барышнѣ.

— Сегодня повѣренный Шнырманъ прошеніе подавалъ,—общаетъ онъ интересную новость.

— Скажите ему отъ насъ, что онъ безсовѣстный,—говоритъ Катерина Николаевна.—Полгода тому назадъ еще осенью общалъ ложу въ циркъ прислать, да такъ на общаніи и отѣхалъ.

— А какъ-то разъ присылалъ,—вспоминаетъ Марья Александровна.—Только давно, еще до васъ.

— Господи, какъ хочется повеселиться,—захныкала Катерина Николаевна.—Три года въ театрѣ не могу собраться. Да что театр! На бібліотеку никакъ денегъ не соберу. Положимъ, читать особенно некогда, а все-таки иногда приятно. А то только газету въ конкѣ прочтешь... Прямо съ каждымъ днемъ тупѣешь!

— А знаете, господа, который часъ?—зловѣще растягивая слова, спрашиваетъ Марья Александровна.

— Часа четыре ужъ есть.

— Да, четыре! Половина пятого, а не четыре. А еще восемь дѣлъ не разобрано.

— Господи, Боже мой! Хоть бы этого генерала кондрашка хлопнула скорѣй! Знаете, Марья Александровна, нужно ему записку съ Никифоромъ послать, что его ждутъ на rendez-vous въ Лѣвній садъ.

— Очень ему нужно ваше rendez-vous, старому такому!

— Ну, такъ напишемъ, чтобы шелъ къ Палкину ботвинову ѣсть на нашъ счетъ. Только чтобы поскорѣе, намъ ждуть некогда. О, Господи, тоска какая! Опять урокъ пропущу, а эта старая

Манифестация въ Харбинѣ. Манифестанты передъ управленіемъ Китайско-Восточной ж. д.
По. фот. Н. И. Севастьянова.

на пяти рубляхъ сижу. Вы, говорить, еще не привыкли, не можете самостоятельно работать. А я ужъ шестой мѣсяцъ каждый день прихожу. Какъ мнѣ еще привикать—ужъ и не знаю!

Дверь быстро распахивается, и изъ камеры выходитъ судья—высокій худощавый блондинъ съ близорукимъ нервнымъ лицомъ. Онъ машинально здоровается съ барышнями, протягивая имъ руку и глядя куда-то черезъ ихъ головы. Катерина Николаевна слегка смущается, ожидая какого-нибудь замѣчанія по поводу найденныхъ у нея безпорядковъ, но судья быстро поворачивается и уходитъ въ свой кабинетъ завтракать.

— Господи! Да скоро ли мнѣ Утконосъ прошенія принесть,—томится Катерина Николаевна.—Вотъ сижу теперь сложа руки, а потомъ до восьми часовъ не управиться!

Она подтираетъ лицо руками и смотритъ въ окно на пустой мокрый дворъ съ пустой собачьей конурой, прикрытой рваной рожей. Отъ конуры протянута къ стѣнѣ дома веревка, по которой, вѣроятно, прежде бѣгала собака. Теперь на веревкѣ виситъ темно-синяя рваная тряпка; вѣтеръ треплетъ ее, словно полощетъ въ мокромъ воздухѣ. Изъ проржавленнаго жолоба низкой крыши сарая тяжело и монотонно, словно отсчитывая прожитое время, падаютъ крупныя звонкія капли и, глядя на нихъ, хочется повторять безъ конца, что на свѣтѣ скучно, скучно, скучно...

Катерина Николаевна, вздохнувъ, переводитъ глаза на склоненную надъ работой Марью Александровну. «Сильно осунулась Марья Александровна за этотъ годъ. Вотъ на вискахъ уже серебряныя ниточки. И губы какъ-то опустились... Бѣдная! Тоже надѣется, что ей въ июлѣ отпускъ дадутъ, хочеть сынишку въ деревню везти... «Онъ у меня никогда настоящаго дѣса не видалъ»... Какъ же!

вѣдѣма, ученикова мамаша, каждый разъ по полтиннику вычитывала!

— Катерина Николаевна! Вотъ-съ, чтобъ вы не скучали,—принести Утконосъ цѣлую груду прошеній. — Не растеряйте вексельки и распсочки.

— Ой, ой, ой! — подсчитываетъ Катерина Николаевна. — Господи ты Боже мой! Вотъ привалило! Шестидесять два прошенія.

И она, быстро водя перомъ, начинаетъ вписывать ихъ въ настольную книгу.

— Опять отъ лавочника Сборова прошенія, опять ничего не разобрать. Ни-ко-лай — почему-то послѣ «о» твердый знакъ! Ха-ха! Слушайте: «безъ всякой съ моей стороны причины проживающей въ домъ № 5 по Ивановской улицѣ»... Чортъ знаетъ, ерунда какая! А вотъ прошеніе о выдачѣ свидѣтельства на бѣдность «кромя нужды и лишенія иныхъ средствъ къ жизни не имѣю»...

Судья, озабоченный и растрепанный, пробѣжалъ снова въ камеру. «Дѣло по иску купца Никол.» — донесся его голосъ, и дверь захлопнулась, утаивъ окончаніе купеческаго имени.

— Четверть шестого! — мрачно замѣтила Марья Александровна. Въ шесть часовъ разборъ былъ оконченъ. Судья торопливо подписалъ бумаги и уѣхалъ домой. Ушла Марья Александровна съ Танечкой. Утконосъ аккуратно заперъ

ключикомъ свои шкапы и, напомнивъ Катеринѣ Николаевнѣ, чтобъ она написала гербовые штрафы, ушелъ тоже.

Стало темнѣть. Катерина Николаевна подвинулась ближе къ окошку и прилежно работаетъ. Она еще надѣется, что успеетъ въ восемь на урокъ.

Черезъ открытую дверь видна опустѣвшая зала. Между рядовъ скамеекъ тихо бродитъ длинная поджарая фигура жены чохоточнаго разсыльнаго; она укачиваетъ своего больного ребенка и напѣваетъ: «Ночи безумныя, ночи бессонныя», а ребенокъ протяжно, однообразно стонетъ.

Катерина Николаевна попросила свѣчку, и жена разсыльнаго, все такъ же тихо напѣвая, принесла ее. Ребенокъ взглянулъ на Катерину Николаевну и снова опустил свои длинные сплывшія рѣсницы, нетерпѣливо дернувъ худенькой синей ручкой...

«Все же лечу я къ вамъ памятью жадною»... снова доносится изъ пустой залы и замираетъ вдали.

Дождь сильнѣе застучалъ въ окошко. Прогремѣлъ громъ. Отъ голода и усталости Катерина Николаевна чувствуетъ маленькое головокруженіе и еще болѣе торопитъ свою работу. Она уже потеряла надежду попасть на урокъ; только бы добраться скорѣй до постели. Гроза усиливается, и синеватый свѣтъ молніи уже два раза вспыхивалъ, озаряя темные углы комнаты. Становится тоскливо и жутко. Изъ камеры донеслись что-то тихіе, словно подкрадывающіеся шаги. Катерина Николаевна вздрагиваетъ и оборачивается. Входитъ снова жена разсыльнаго, но уже безъ ребенка.

— Можно, барышня, вашъ стаканчикъ? — уныло спрашиваетъ она, тупо глядя въ сторону.

— Пожалуйста, берите.

— Яшенька отходить, — все такъ же монотонно продолжаетъ она. — Нужно около него водички поставить, чтобы душенька умылась...

Катерина Николаевна почти кончила срочную работу. Остались еще гербовые штрафы. Она сжимаетъ холодными пальцами виски, и ей хочется стонать отъ усталости и какой-то странной безотчетной тоски. Ей становится страшно взглянуть въ окно, гдѣ рядомъ со свѣчкой и большими бѣлыми листами бумаги тускло отражается ея грустное и злое лицо.

Два громкихъ сухихъ удара слѣдуютъ быстро одинъ за другимъ, и черезъ открытыя двери видно, какъ вспыхиваютъ разомъ всѣ шесть озонъ камеры.

Опять все тихо и темно, но Катеринѣ Николаевнѣ чудится, что

между смутно выдѣляющимися рядами скамеекъ, бродитъ какая-то туманная фигура съ мертвымъ ребенкомъ на рукахъ и тихо стонетъ: «Ночи безсонныя... ночи безумныя»...

II.

— Представьте себѣ, какая досада, — говорила на другой день Катерина Николаевна своей подругѣ. — Въдь отъ урока-то мнѣ отказали. Вчера въ десять часовъ записку получила, что очень неаккуратно! Ужасно неприятно. Лѣтомъ такъ трудно что-нибудь найти!

— Поблагодарите Утконоса. Если-бъ не онъ, вы бы вчера еще поспѣли.

— Онъ сегодня весь день красный, какъ ракъ, — вставляетъ Танечка. — Все утро о чемъ-то съ судьей толковалъ, и дверь заперли.

Работа идетъ лѣнливо. Солнце весело играетъ и бѣгаетъ зайчиками по грязнымъ стѣнамъ. Черезъ открытое окно тянетъ свѣжимъ ароматно-сырымъ воздухомъ. Доносится стукъ колесъ, тревожные настойчивые свистки локомотива, и Катеринѣ Николаевнѣ кажется, будто всѣ спѣшатъ и торопятся на какой-то большой интересный и радостный праздникъ, гдѣ будутъ долго и много веселиться и на который ее забыли пригласить.

Манifestація въ Харбинѣ. Рѣчь студента-оратора близъ дома Главнаго начальника тыла манчжурскихъ армій генерала Надарова на Большомъ проспектѣ. По фот. Н. Севастьянова.

Утконосъ только на минутку забѣжалъ въ канцелярію. Видъ онъ имѣлъ дѣйствительно какой-то сконфуженный, и лѣвую щеку украшала черная повязка, съ торчащими на темени острыми кончиками, напоминающими заячьи уши.

— Судья сегодня очень торопится. Уѣзжаетъ куда-то въ три часа.

— Ну, сегодня ужъ все равно — печально трясетъ головой Катерина Николаевна. — Урока ужъ не вернешь!

Во время чая происходитъ раздача жалованья.

Катерина Николаевна долго подкидываетъ на рукѣ пять маленькихъ золотыхъ кружочковъ и говоритъ:

— Вотъ изъ-за этой дребедени и столько всякой гадости. Недосыпать, утомляться, злиться!..

Судья дѣйствительно торопится съ разборомъ, и въ два часа канцелярія уходитъ. Оставшаяся послѣдней Катерина Николаевна пишетъ аншлаги. Изъ кабинета судьи пулей вылетаетъ Утконосъ. Волосы взъерошены, повязка съѣхала съ пылающей щеки. Не заходя въ канцелярію, бѣжитъ онъ въ переднюю и, сорвавъ съ вѣшалки шляпу, исчезаетъ за дверью.

— Что съ нимъ? — удивляется Катерина Николаевна. — Даже шкаповъ своихъ не заперъ! Чудеса.

— Катерина Николаевна! — доносится голосъ судьи. — Вы еще не ушли? Будьте добры зайти ко мнѣ на минутку.

«Ну! начинается!» — подумала Катерина Николаевна. — Ужъ не повезетъ, такъ не повезетъ!».

Судья застала она стоящимъ передъ столомъ и внимательно разглядывающимъ совершенно чистый листъ бумаги. Судья поднялъ глаза, покраснѣлъ и опустил ихъ снова.

— Гм... гм... Катерина Николаевна... Вы, навѣрно, сами пой-

мете... Я собственно хотѣлъ вамъ сказать... У меня страшно большіе расходы на канцелярію... То-есть на жалованье...

«Господи! Неужели сбавить хочеть! А я еще урокъ потеряла» — вся холодѣть Катерина Николаевна.

— Вы вотъ такъ часто манкируете... Степанъ Васильевичъ под- считалъ—на два раза одинъ пропускаете...

— Я пропускаю только тѣ дни, когда нѣтъ засѣданій.—говоритъ Катерина Николаевна и сама удивляется, какой у нея сталъ то- невый голосокъ.—Я вѣдь не могу жить на двадцать пять рублей: и должна еще уроки давать.

— Ну да... ну да...—заторопился судья:—конечно, вамъ, навѣр- ное, выгоднѣе сохранить уроки...

Онъ снова замаялся и сталъ ломать карандашъ нервными, дро- жащими пальцами. «Ну чего ты мучаешься, несчастный ты чело- вѣкъ!»—страдаетъ за него Катерина Николаевна.

— Мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь поэкономнѣе все организо- вать...—снова путается судья.—Вотъ Степанъ Васильевичъ предло- жить, то-есть, я хотѣлъ сказать, согласился принять на себя трудъ завѣдыванія гражданскимъ столомъ за небольшую прибавку... Гос- пожа Синицына, конечно, будетъ помогать ему и причучаться къ дѣлу...

Катерина Николаевна чувствуетъ, какъ пылаютъ ея щеки, и вдругъ рѣшительно приходитъ на помощь своему начальнику.

У стѣны на диванѣ, спиной къ окну, безъ пиджака лежалъ Утко- носъ. Онъ забился лицомъ въ самый уголъ и дышалъ тяжело, какъ загнанная лошадь. Сплюснутыя надъ головой зайчи упи повязки безпомощно торчали въ разныя стороны, и весь онъ былъ похожъ на зайца, затравленного собаками.

А около самого окна передъ столомъ, покрытымъ рваной бурой клеенкой, стояла маленькая старушонка съ отекимымъ желтымъ лицомъ и такой странной плоской головой, точно ее всю жизнь били по темени. Старушонка разглядывала дырку на рукавѣ горохового пиджака Утконоса и, озабоченно пожевывая губами, ры- лась въ какихъ-то доскуточкахъ въ картонной коробочкѣ...

Катерина Николаевна быстро отошла отъ окна. Какаят-то тихая, остро-звенящая нотка заняла у нея глубоко подъ сердцемъ, стала расти, крѣпнуть и, заглушивъ ту прежнюю, злобно-гудящую, слилась съ нею, и обѣ угасли.

Царица Савская у Соломона. (Рис. на стр. 956—957).

Извѣстный библейскій разеказъ о царицѣ Савской, прибывшей къ царю Соломону, послужилъ нѣмецкому художнику, Е. Обергаузену, темой для эффектной картины. Напоминаемъ нашимъ читателямъ объ этомъ эпизодѣ, о которомъ повѣствуетъ 3-я книга «Царствъ»:

Царица Савская, услыхавъ о славѣ Соломона, явилась къ нему съ тѣмъ, чтобы «испытать его загадками».

Она пріѣхала въ Иерусалимъ съ боль- шими дарами: ея верблюды были на- вьючены золотомъ и благовоіями.

Она бесѣдовала съ Соломономъ обо всемъ, что было у нея на сердцѣ, и онъ «объяснилъ ей всё слова ея, и не было ничего незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей».

Царица Савская подарила Соломону 120 талантовъ золо- та, драгоценные кам- ни и множество благовоіи. «Никогда еще не приходило такого множества благовоіи, какое подарила Соломону ца- рица Савская».

Царица Савская— не мифъ, но личность, засвидѣтельствова- ная помимо Библии и исторіей: по араб- скому начертанію ея

имя читается «Балкисъ», или «Билкисъ». Она правила могуще- ственнымъ царствомъ «Саба», находившимся въ южной Аравіи. Отъ этого царства, отъ его прежняго великолѣпія донинѣ остаются многочисленные развалины, усердно посѣщаемыя и изслѣдуемыя учеными-археологами.

Перемѣна правительства въ Англии.

(Политическое обозрѣніе).

Исторически сложившаяся репутация Англии, какъ самаго устой- чиваго и гарантированнаго отъ внутреннихъ переворотовъ госу- дарства, снова подтвердилась на нашихъ глазахъ. Консерватив- ное правительство лорда Бальфура давно уже утратило популяр- ность въ странѣ. Каждые дополнительные выборы даже въ наи- болѣе прочныхъ округахъ почти вездѣ оканчивались поражениями правительства и вели къ возрастанію либеральной партіи парла- мента. Ряды правительственного союза рѣдѣли, зато оппозиція становилась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и самоувѣреннѣе. Само собою разумѣется, что неблагоприятный исходъ дополнительныхъ вы- боровъ самъ по себѣ не могъ свести къ нулю болѣе чѣмъ столетнее большинство, которымъ въ началѣ своего поприща располагало ми- нистерство Бальфура-Чемберлена. Отпаденіе единичныхъ округовъ само по себѣ имѣло значеніе только показателя перемѣны настроенія въ развивающихся классахъ населенія; уже въ силу этого оно должно было имѣть огромное нравственное вліяніе на парламентъ: они поколебали приверженность многихъ консерваторовъ къ кон- сервативному, но уже утратившему сочувствіе страны правительству, которое постепенно растеряло компактную массу своихъ голосовъ и даже по отдѣльнымъ вопросамъ давно уже начинало оставаться

Манифестация въ Харбинѣ. Манифестанты у зданія почты. По фот. Н. Севастьянова.

— Вы, значить, отказываете мнѣ отъ мѣста.

Онъ смутился еще больше, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто обра- довался, словно ему подсказали забытое слово.

— Вы сами понимаете, Катерина Николаевна, положеніе ве- шей. Эти три недѣли, которыя вамъ осталось дослужить, вы можете употребить на присканіе новыхъ занятій, если вамъ нужно... Ходить на службу уже не считайте для себя... обязательнымъ.

Машинально взявъ съ собой по старой привычкѣ ключи отъ шкаповъ, вышла Катерина Николаевна на улицу. Щеки ея горѣли. Какой-то туманъ застилалъ глаза, и она не сразу поняла, въ какую сторону должна идти.

— Вотъ и выгнали! Какъ прислугу. Даже жалованье впередъ дали. Вчера изъ-за нихъ урокъ потеряла, сегодня сама на улицѣ... Какъ быть?

Она вспоминала поведеніе письмоводителя, и бѣшеная безсила- ная злоба дрожала въ душѣ, какъ низкая, глубокая, гудящая нота.

— Побѣждалъ домой! Торжествуетъ побѣду, гадина гнусная!

Ей было противно проходить мимо его дома. Онъ жилъ въ пер- вомъ этажѣ, и окна его квартиры подымались не выше аршина надъ тротуаромъ. Онъ, навѣрное, будетъ слѣдить, какъ она пройдетъ мимо, униженная, раздавленная...

Она уже готова была повернуть, но вдругъ передумала. Пусть смотритъ на нее, не она опуститъ глаза, во всякомъ случаѣ.

И, крѣпко стиснувъ зубы, гордо поднявъ голову, пошла она мимо квартиры Утконоса, не отворачиваясь, а напротивъ, въ упоръ смотря въ его окна.

Она всѣмъ настаежъ. Въ первой комнатѣ ни души. Во второмъ окнѣ что-то копошится. Она замедлила шаги и, вся дрожа отъ волненія, заглянула внутрь.

Полковник 118 Шуйского пех. полка П. Г. Евдокимов, умерший от ран, полученных при рекогносцировке у дер. Тацзиски-Нацзидзы.

Поручик 23 Вост.-Сиб. стр. полка Д. П. Родченко, убитый у сел. Кудазы 15 февраля с. г.

Подполк. 35 артилл. бригады А. А. Смирнов, отличившийся в бою под Мукденом во время вывоза под огнем двух орудий, оставленных другой частью, за что награжд. орд. св. Влад. 4 ст. с мечам.

Подпоручик 123 Козловского пех. полка К. Ф. Жабоклик, контуженный в бою под Мукденом.

Капит. 2 ранга Д. Б. Похвиснев, старший офицер на броненосце "Ослаба", ран. в обе ноги и погибший вместе с броненосцем в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Поручик 23 Вост.-Сиб. стр. полка А. П. Родченко, убитый 15 февраля с. г. в бою у сел. Кудазы.

Подполк. Л. Н. Скиптров, начальник конно-охотничьей команды 98 Юрьевского полка, ран. в бою под Мукденом.

Подпоручик 211 пех. Еваторинского полка С. Ф. Матвеев, убитый в стычке с японцами 16 марта 1905 г.

Капитан 19 Вост.-Сиб. стр. полка В. Д. Мухин, награжденный орд. св. Георгия 4 ст. за взятие 5 горных неприятельских орудий.

Поручик 15 Вост.-Сиб. стр. полка Г. А. Ильин, контуженный и раненый на передовых позициях у Порт-Артура.

Подполк. 139 Моршанского пех. полка М. Т. Чорб, раненый в грудь на вылет в время обороны дер. Ханченгу.

Подпоручик Н. К. Ходулин, убитый в бою под Мукденом.

Шт.-нап. 4-ой Вост.-Сиб. артилл. бригады В. В. Дешин, за отличие при защите Порт-Артура награжд. орд. св. Георгия 4 ст. св. Станисл. 2 ст. с меч., св. Анны 4 ст. с надп. "за храбрость" и 3 ст. с мечами.

Поручик 9 Вост.-Сиб. стр. полка Н. Ф. Пономарев, убитый при р. Шахэ.

Подпоручик 9 Вост.-Сиб. стр. полка К. А. Воротников, раненый в бою под Мукденом.

Подпоручик новенской крепостной артиллерии Н. Д. Даконов, раненый в Порт-Артур.

Шт.-нап. 4-ой Вост.-Сиб. артилл. бригады В. А. Иванов, за отличие при защите Порт-Артура награжд. орд. св. Георгия 4 ст. св. Станисл. 2 ст. с меч., св. Анны 4 ст. с надп. "за храбрость" и 3 ст. с мечами.

Подесауль 1 Уманского казачьего полка М. К. Лисевский, убитый в стычке с японцами у дер. Шилоза.

Подесауль 1 Уманского казачьего полка М. К. Лисевский, убитый в стычке с японцами у дер. Шилоза.

Прапор. 34 Вост.-Сиб. стр. полка С. Сафаревич, участвовавший в бою с японцами с начала войны до 15 янв. 1905 г. и раненый в бою под Мукденом.

Штабс-капитан 85 Выборгского пех. полка А. М. Петерсон, убитый в бою у дер. Хамысань.

Поручик 19 Вост.-Сиб. стр. полка В. Н. Самохвалов, раненый при взятии Путиловской сопки.

Подпоручик 8 Сиб. Тобольского пех. полка В. А. Иванов, убитый в бою под Мукденом.

Подпоручик 100 Остроговского пех. полка И. А. Панчино, раненый в бою под Мукденом.

Штабс-капитан 55 Подольского пех. полка Н. К. Рыбников, раненый в бою под Мукденом.

Поручик 3 Вост.-Сиб. стр. полка Н. Бабурин, раненый в бою под Сандену.

Подпоручик 100 Остроговского пех. полка И. А. Панчино, раненый в бою под Мукденом.

Вольноопред. 51 Черниговского драгунского полка С. Л. Киндаков, скончавшийся от ран, полученных в бою под Инноу.

Генераль-лейтенантъ Д. И. Субботичъ, назначенный туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

Быстрый распадъ правительственнаго большинства объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что оно по составу своему было далеко неоднородно и представляло собою союзъ консерваторовъ съ отдѣлившимися отъ покойнаго Гладстона. по вопросу объ ирландскомъ гомрулѣ, либералами подъ предводительствомъ Чемберлена. Какъ раньше Чемберленъ, разойдясь съ Гладстономъ насчетъ ирландской автономіи, разбилъ либеральное большинство и передалъ власть консерваторамъ, такъ теперь онъ разбилъ консервативное большинство, отдѣлившись отъ Бальфура по вопросу о таможенномъ тарифѣ и тѣмъ самымъ снова предалъ власть надъ страной въ руки либераловъ. Общій ходъ политики въ конституціонныхъ странахъ опредѣляется быть-можетъ, не столько сплоченностью большинства страны около общей программы, сколько разногласіями мелкихъ партій и случайными расколами большинства. Только благодаря такому расколу либеральной Англій 7 лѣтъ могли управлять консерваторы, находящіеся въ меньшинствѣ не только въ странѣ, но даже въ нижней палатѣ.

Разрывъ Чемберлена съ консерваторами въ сущности только возвращаетъ либераламъ ту власть, на которую они имѣютъ право по большинству голосовъ. Но, разойдясь съ консерваторами, уніонисты Чемберлена вовсе не думаютъ присоединяться къ либераламъ, такъ какъ тѣ считаются еще болѣе рѣшительными сторонниками свободы торговли. Либералы для того, чтобы сбить вокругъ себя большинство, принуждены будутъ войти въ компромиссъ съ другими партіями—съ ирландцами и радикалами-рабочими. Твердой опоры въ нынѣшнемъ составѣ парламента они найти не могутъ, такъ что первымъ шагомъ новаго министерства Кэмпель-Баннермана непременно должно быть распушеніе парламента и назначеніе новыхъ выборовъ, которые дадутъ обновленіе партій. Рѣшающая роль на выборахъ, какъ и въ парламентской группировкѣ, остается все же въ концѣ концовъ за партією диссидентовъ-протекціонистовъ группы Чемберлена. Она была слишкомъ ничтожна для того, чтобы взять кормило правленія въ свои руки, но она все же настолько многочисленна, что, при равенствѣ борющихся большихъ партій

въ меньшинствѣ и уже не чувствовало твердой почвы подъ ногами. Традиціи парламента подсказывали ему о необходимости устранить и передать кормило правленія противникамъ, но министерство лорда Бальфура продолжало существовать наперекоръ традиціямъ и стихіямъ. Въ другихъ странахъ упорное властолюбіе захватившихъ власть министровъ и борьба общества съ правительствомъ могла выразиться въ формѣ опасныхъ потрясеній и политическихъ переворотовъ, но въ Англии, и на этотъ разъ, все обошлось благополучно: ея государственный механизмъ если и не отвѣчаетъ нашимъ мечтамъ объ идеальной справедливости, зато система предохранительныхъ клапановъ поставлена тамъ на необычайную высоту и вполне отвѣчаетъ потребностямъ практическаго англичанина.

либеральной и консервативной, дать власть въ руки того изъ сильныхъ конкурентовъ, который сдѣлаетъ наибольшія уступки въ пользу таможенно-покровительственной политики Чемберлена. Послѣ выборовъ Чемберленская группа можетъ вернуться въ парламентъ въ значительно большемъ числѣ. Энергичная и настойчивая агитация въ пользу таможеннаго тарифа не прошла безслѣдно: она успѣла вызвать сочувствіе нѣкоторыхъ слоевъ населенія, особенно промышленныхъ сферъ, а въ Англии вліяніе ихъ почти безгранично. Располагая огромнымъ агитационнымъ фондомъ, партія Чемберлена уже заблаговременно успѣла скупить за колоссальныя суммы наиболѣе старыя и вліятельныя газеты. Вліяніе золота несомнѣнно очень чувствительно скажется на подсчетѣ голо-совъ, поданныхъ за того или иного кандидата. Нѣкоторымъ противникамъ буржуазнымъ партіямъ можетъ служить такъ-называемая рабочая или социалистическая партія: до сихъ поръ она была чрезвычайно слаба, такъ какъ англійскіе рабочіе, завязнувшіе въ своихъ корпоративныхъ союзахъ, несмотря на полную политическую свободу, совершенно сторонились политики, и если принимали участіе въ избирательной борьбѣ, то обыкновенно голосовали за либераловъ. Но за самое послѣднее время социалистическое движеніе въ Англии замѣтно усиливается, рабочія массы начинаютъ предъявлять къ государству свои требованія и выработать свои программы. Желая опереться на рабочую и на ирландскую партіи, Баннерманъ долженъ будетъ демократизировать либеральную программу и, вернувшись къ гладстоновскому гомрулу, пополнить ее соблазнительными законопроектными о крупныхъ реформахъ рабочаго законодательства, въ родѣ проекта о пенсіяхъ престарѣлымъ рабочимъ, который обѣщавъ провести, но не провелъ Бальфуръ. Можно ожидать, что на предстоящихъ выборахъ либеральная программа приобрететъ слегка социалистическую окраску.

Юные герои-добровольцы; прибывшіе въ Петербургъ. 1) Егоръ Михайловичъ Марковъ 14 лѣтъ, 2) Зельманъ Соломоновичъ Германъ 14 лѣтъ, контуженъ въ ногу. Оба участвовали въ Мукденскомъ бою, представлены къ наградамъ и представлялись военному министру. По фот. К. Булла.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ № № журнала. Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Невѣста Варвара. Повѣсть И. Н. Потепенко. (Продолженіе).—„Утконосъ“ Разсказъ Н. Тэффи.—Царица Савская у Соломона.—

Переимѣна правительства въ Англии. (Политическое обозрѣніе). Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Дочь Тиролья.—Царица Савская у Соломона.—На рейдѣ.—„Рожденіе мира“.—„Торжество мира“.—Собраніе крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ.—

Отправленіе плѣнныхъ японцевъ изъ села Медвѣдь на родину: 1) Перенесеніе раненаго японца. 2) На ст. Уторгошъ (моск.-винд.-рыб. ж. д.). 3) Обозъ съ вещами отправляется на ст. Уторгошъ. 4) Послѣдній визитъ.—Манифестация въ Харбинѣ: 1) Манифестанты передъ управленіемъ Китайско-Восточной ж. д. 2) Рѣчь студента-оратора близъ дома Главнаго начальника тыла манчжурскихъ армій генерала Надарова на Большомъ проспектѣ. 3) Манифестанты у зданія почты.—Подполковникъ П. П. Евдокимовъ.—Капитанъ 2 ранга Н. Б. Повхисневъ.—Капитанъ В. Д. Мухинъ.—Капитанъ В. И. Суворовъ.—Штабсъ-капитанъ В. В. Дешинъ.—Штабсъ-капитанъ А. М. Петерсонъ.—Штабсъ-капитанъ Д. К. Рыбниковъ.—Поручикъ Д. П. Родкевичъ.—Поручикъ А. П. Родкевичъ.—Поручикъ Барабашъ.—Поручикъ Г. А. Ильинъ.—Поручикъ Н. Ф. Пономаревъ.—Поручикъ В. Н. Самохваловъ.—Поручикъ Ф. Н. Бабуринъ.—Подпоручикъ А. А. Смирнскій.—Подпоручикъ Л. Н. Скипетровъ.—Подпоручикъ М. Т. Чорба.—Подпоручикъ К. А. Воронниковъ.—Подъесаулъ М. К. Лисевичъ.—Подпоручикъ В. А. Ивановъ.—Подпоручикъ И. А. Папишко.—Подпоручикъ К. Э. Жабонлицкій.—Подпоручикъ С. Ф. Матвѣевъ.—Подпоручикъ С. А. Удовиченко.—Подпоручикъ Н. К. Ходулинъ.—Подпоручикъ Н. Д. Діаконовъ.—Прапорщикъ С. Сафаревичъ.—Вольноопредѣляющійся С. Л. Киндяковъ.—Генераль-лейтенантъ Д. И. Субботичъ.—Юные герои-добровольцы; прибывшіе въ Петербургъ: 1) Егоръ Михайловичъ Марковъ, 2) Зельманъ Соломоновичъ Германъ.

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга Ю.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

